

Из дневника погоды

28 апреля 1984 г. Температура воздуха +9°, давление 750-754 мм, переменнo, ветер северо-восточный, слабый. Накануне дул сильный северный, со снегом, температура была +1°.

Ездили с Митей на заставу. Янтаря нет. Нашли 17 сморчков. Вечером приходил Медведев с бутылкой коньяку, уже пьяненький. Мандражирует перед семинаром у нас, на котором должен представлять свою диссертацию. Я заметил ему, что он спивается, и зря старается меня задобрить, я и так против него ничего не имею. Коньяк, однако, мы с ним выпили. Он удивлялся:

- Александр Андреевич! Как это Вы живёте, всего достигнув? Вам не скучно? У Вас же всё есть: почёт, уважение, семья, квартира, Вы на вершине...

Я сказал ему, что мне не скучно, и что я отнюдь не всего достиг, но он мне, по-моему, не очень-то поверил.

___**30 апреля.** Температура +18°, давление 751-749, ясно, ветер северо-восточный, умеренный.

___Ездили с Сашулей и Митей на Корневку за черемшей. Черемши изобилие. Играли в футбол на поляне, но лесник нас прогнал.

Сашуля и Митя, май 1984 г.

___**1 мая 1984 г.** Температура +19°, давление 749-747, ясно, ветер восточный, умеренный.

___Утром играли с Митей в футбол. На демонстрацию не пошли, впервые Митя не захотел. С обеда вместе с дедом (Тамара Сергеевна уехала в Мурманск, сына Гришу вроде бы во Вьетнам отправляли) были в гостях у Лебле, потом гуляли по местам моего калининградского детства - Красная, Чекистов, стадион "Спартак", потом догуливали у Кондратьевых и снова у Лебле. Видели Ерашовых на велосипедах, у каждого по дитю на

раме и вертушки на рулях.

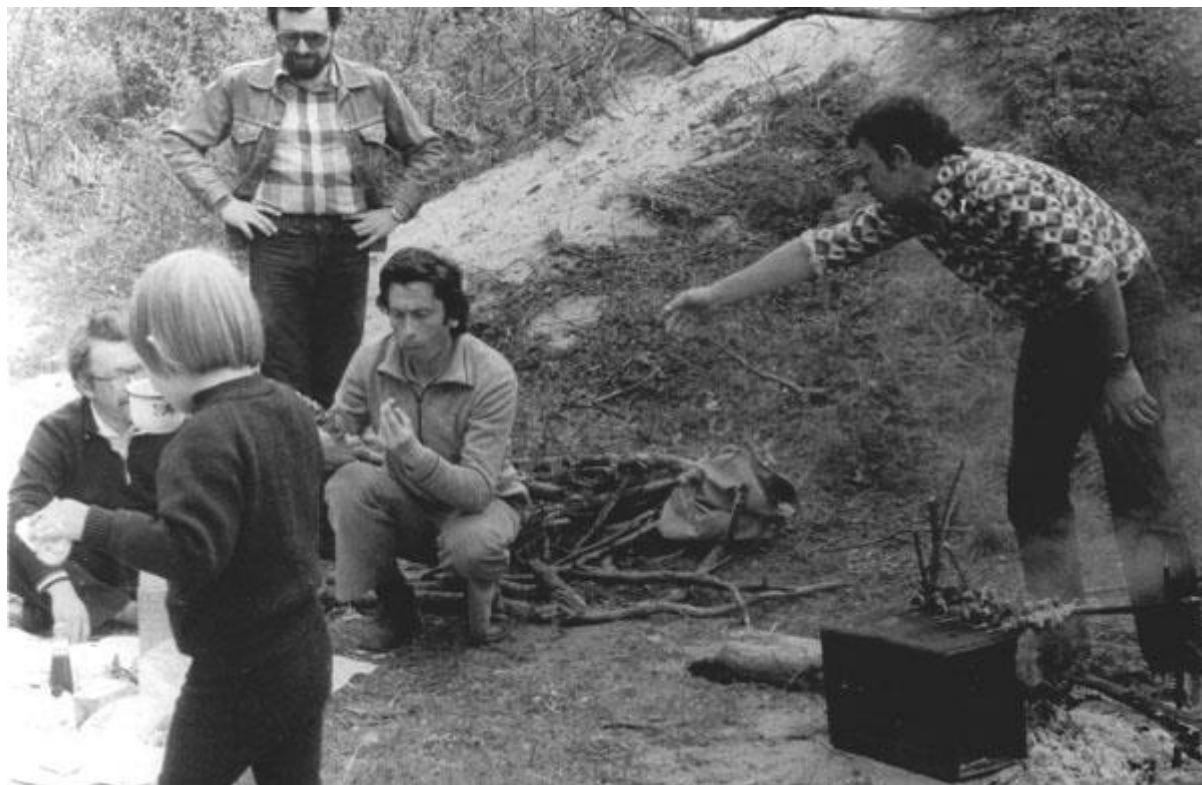
— Я допытывался у Кондратьева и дочки его Настасьи, зачем она на журналистский факультет поступать хочет, что ей в этой профессии нравится, и как отец к тому относится, что писать-то неправду придётся. Оба были озадачены такой постановкой вопроса.

— **2 мая.** Температура +19, давление 746-745, переменно, ветер юго-восточный, умеренный.

— Утром пробежали с Митей 20 кругов вокруг школы. Ездили на мотоцикле с Сашулей и Митей на заставу. Были Лебле, Буздины, Филановские. Мужики приехали с утра первым дизелем - за грибами, женщины позже - автобусом. Мы с Митей нашли в одном месте на небольшом пятачке 21 сморчок, остальные (Серёжа, Лёша, Игорь) по несколько штук. Пока они носились по лесу, я шашлыки готовил. Вина бойцам, конечно, не хватило, и я тайком от женщин возил Серёжу и Игоря за добавкой в Приморск. Потом мы с Митей и Сашулей уехали на мотоцикле, чтобы успеть к телевизору на футбол "Зенит" - "Динамо"(Киев) - 2:0! Не зря спешили.

Митя в лесу под Балтийском, 2 мая 1984 г.

Пикник на заставе с Лебле, Буздиными и Филановскими 2 мая 1984 г.

Митя и я, 2 мая 1984 г.

Футбол у заставы 2 мая 1984 г.

— 3 мая 1984 г. +23°!

— **4 мая.** +11°. Хорюков ловит форель на Корневке выше моста.

— **10 мая.** Наши отказались участвовать в Олимпиаде в Лос-Анжелесе. Этого следовало ожидать. Решение, видимо, было принято уже давно. "Советский Спорт" ещё с прошлого года публиковал практически в каждом номере на последней странице материалы о подготовке к Олимпийским играм исключительно негативного содержания, про то, какой Лос-Анжелес бандитский и грязный город. Постоянная рубрика, посвящённая этой теме, так и называлась: "Лос-Анжелес: проблемы остаются". Ждали удобного повода, но время поджимало, и решили удовольствоваться необеспечением якобы безопасности советских спортсменов, которых американцы собирались то ли перестрелять всех, то ли похитить, то ли соблазнить на измену Родине. Скорее всего, всё вместе.

— И официальное заявление Рейгана по этому поводу принято во внимание не было: поздно, мол, да и не верим мы вашему президенту. Теперь братские соцстраны потянутся отказываться, кроме Румынии и Югославии, разумеется.

* * *

— Не прошло и месяца, и снова затяжной вояж - Ленинград, Ташкент, да ещё в промежутке между ними должен быть Томск - защита Новикова, но её, к счастью (моему, не Новикова), перенесли на июль. В Ленинграде Пудовкин проводил конференцию по магнитосферному прогнозированию, к ней пристегнули "Итоги МИМ (Международные Исследования Магнитосферы)", в Ташкенте - заседание Секции ионосферы при МГК.

— В Ленинград Саенко отпустил со мной Сашулю, всегда готовую навестить любимый город, а тем более теперь, когда Иринка там с её сердечными проблемами. Из писем и телефонных разговоров мы знали, что с Димой они уже помирились, но встречаются теперь не так часто, живёт Иринка в Сестрорецке, возвращается домой вовремя...

— Перед самым отъездом я вдруг заболел. Похолодало, а я по инерции бегал раздетым и в кирхе мёрз. В пятницу (11 мая) вечером меня стал бить лихой озноб, поднялась температура, и я весь следующий день провалялся в горячке без каких-либо признаков простуды - ни горло не болело, ни сопли не текли, ни кашля не было, просто лихорадка какая-то вирусная. В воскресенье утром чувствовал себя уже получше, хоть и не вполне здоровым, и мы с Сашулей отправились в аэропорт, а Митю ещё вечером забрал к себе дедуля.

— В Ленинград с нами летел ещё Володя Клименко. В Пулковое мы наткнулись на Лариску Зеленкову и Людмилу Немцеву, встречавших иногородних участников конференции. Они отправили нас на автобусе прямо в Ольгино, где в "Интермотеле" селили гостей, и там же предстояло заседать. Мы зарегистрировались у Аллочки Ляцкой, я забил место в коттедже (Сашуля решила поселиться в Сестрорецке, побыть с Иринкой), записались на экскурсии и в театры и отправились в Сестрорецк, до которого на автобусе от мотеля 20 минут езды.

— Там нас уже давно ждали, опять был царский стол с обилием вкусностей и даже рюмкой водки для меня. Говорили о том, о сём, про "развод" не вспоминали. Болезнь моя всё ещё давала о себе знать, к вечеру опять поднялась температура, и я остался ночевать в Сестрорецке.

— В последующие дни мы с Сашулей жили порознь - я в Ольгино, она в Сестрорецке, встречаясь на заседаниях и на вечерних культурных мероприятиях. Доклады были по физике Солнца и магнитосферы, безо всякого прогнозирования, которое Пудовкин притянул только для вывески, так что в некотором смысле конференция не оправдала моих ожиданий - я надеялся и в самом деле послушать про последние достижения в области практического прогнозирования магнитных возмущений, но достижений, судя по всему, просто не имелось в наличии, хотя, конечно, Пудовкин был прав в том смысле, что к физическим основам прогнозирования конференция имела самое прямое отношение.

— Среди участников были и Славик, и Юра, и Борис Евгеньевич, вся пудовкинская бригада и просто старые хорошо и не очень хорошо знакомые магнитосферщики (Серёжа Гриб, Володя Барсуков, Лазутин, Кропоткин, Алексеев, Тверской и т.д., и т.п.). Слава не замедлил повеселить публику очередной выходкой в своём стиле: прицепился к кому-то из докладчиков с вопросом, что же, мол, нового мы услышали, и всё не удовлетворялся ответом; председательствовавший Пудовкин, блудя регламент, начал Славу "пресекать". Тот обиделся, встал и демонстративно направился к выходу, заявив:

— Если здесь не дозволено обсуждать доклады, то мне тут делать нечего!

— Зал, в котором большинство хорошо знало Славу, дружно завопил:

— Слава, Слава, что Вы! Не надо, останьтесь!

— И Слава соизволил удовлетворить эту просьбу. Пудовкин, впрочем, не сильно на него рассердился. Слава остановился не в мотеле, а у родителей жены, которую с сыном Отто привёз из Апатит. Жена и сын болели, так что пообщаться помимо заседаний нам с ним не пришлось.

— В кулуарах я делился новостями с Грибом и Барсуковым. Володя недавно обзавёлся новой молодой совсем женой. Гриб уверял меня, что отец Ианнуарий сотрудничает с органами. Совсем ошалел (Гриб, конечно). У Мальцева с диссертацией дела всё в том же состоянии - не выпускают из института, ждут, когда Распопов из больницы выйдет, он, бедняга, в автомобильную аварию на институтской "Волге" угодил, сильно ногу повредил. Серёжа Авакян надоедал мне со своими Оже-электронами, он сподобился докторскую написать и теперь обхаживал меня как предполагаемого оппонента.

— Сашуля с энтузиазмом использовала возможности побывать в театрах и на экскурсии. Экскурсия, которую она выбрала, называлась "Мосты повисли над водами" и большей частью была посвящена мостам Мойки и Фонтанки, начиная от Летнего Сада. От экскурсовода (молодой, интеллигентной женщины, понравившейся Сашуле) я ничего интересного для себя не услышал, но сама прогулка доставила удовольствие, напомнив то чувство очарования, которое в былые времена вызывали у меня виды Ленинграда петербургского.

— Ходили в театры Ленсовета и Коммисаржевской, популярные, как говорили, теперь. В Ленсовета смотрели пьесу Эдуардо де Филиппо "Люди и джентльмены", типичную для него, без особой глубокой мысли, с итальянским шумом-гамом и любовными страстями. Актёры играли неплохо и временами заставляли зал хохотать, в чём, собственно, и состояло всё удовольствие от этого спектакля.

— С нами были Ирина с Димой - первая встреча моя с ним после того телефонного разговора Сестрорецк-Московский вокзал. Держался он напряжённо. Ещё бы. Не думаю, что свидание это доставляло ему удовольствие. Но так получилось, что мы с Сашулей почти не разговаривали с детьми, да мне и не хотелось, помирились и Слава Богу. К тому же меня Авакян перехватил, мы похвастались друг перед другом своими красивыми взрослыми дочерьми. Серёжа потом, кстати, рассказал мне, что ему случайно пришлось увидеть, как Дима, купив сигареты в киоске, забыл взять сдачу с крупной купюры, потом вернулся и спросил про неё. При этом, по словам Авакяна, он держался очень достойно для юноши в такой ситуации. Деньги ему вернули.

— В театре Комисаржевской смотрели "Царь Иоанн Васильевич" А.К.Толстого. Сама пьеса, конечно, не то, что "Царь Фёдор Иоаннович", да и актёры не блистали, хотя и старались.

— Май был удивительным в этом году в Ленинграде, жара за тридцать градусов в один день перевалила - абсолютный рекорд! И это в середине ещё только месяца. Окончательно оклемавшись после своей лихорадки, я даже бегал пару раз по утрам в Ольгино. Финский залив там совсем рядом с мотелем и рано утром очень красив - гладь и Гавань видно, уже освещена взошедшим солнцем, а здесь на берегу тень от деревьев. Народу никого и приятно сделать зарядку.

— Мотель сам построен сравнительно недавно и рассчитан, судя по всему, специально

на финнов, приезжающих в Ленинград на выходные пить водку. В обычные дни постояльцев там мало, по вечерам лишь определённая категория соотечественников приезжает в ресторан, если в других мест нету, а нормальным людям здесь делать нечего. Кормили нас там по талонам, очень дорого и мало есть дают. Бастурму в гриль-баре съесть и то выгоднее и сытнее, чем по талонам в ресторане пообедать (если, правда, вина не брать к бастурме).

— Зато финнам тут раздолье. Уже в пятницу вечером они съезжаются сюда на автомобилях марок всех стран и начинают "отдыхать" ("гудеть" по-нашему). В Ленинград они не стремятся, им и здесь хорошо. Берут в баре водку и пьют её без закуски, запивая пивом или разбавляя водой со льдом. И балдеют. Просто так, безо всяких там разговоров за жизнь или коллективных песнопений. Наливаются потихоньку и чувствуют себя распрекрасно. В субботу начинают (или продолжают) с самого утра, часов с восьми.

— Бармен - сравнительно интеллигентный на вид парень общается с ними по-свойски, запросто говорит по-фински (как, впрочем, и по-английски, и по-немецки). Он на посту круглые сутки, потом двое отдыхает. Люда Макарова его узнала, её однокурсник, он также её признал, кончал физфак через год после нас с Димулей. Так что выпускники физфака не только в Духовную Академию потом подаются. Помощницы у него - самые настоящие шлюхи толстозадые.

— В гриль-баре мы с Володей Барсуковым и его женой оказались за одним столиком с финном нашего возраста или чуть помоложе и его женой, уже тёпленькими. Финн поведал нам на квазианглийском языке, что здесь водка очень вкусная и дешёвая, поэтому они сюда и едут. А дерут с них за эту водку в несколько раз дороже, чем если бы они её брали за те же советские рубли в магазине, но почему-то им здесь в баре больше пить нравится, хотя тут нет даже музыки. Впрочем, многие пьют и на свежем воздухе, тут же в кемпинге рядом со своими машинами расставляют жаровни и собираются вокруг них небольшими компаниями. Кто-то здесь же корчится в судорогах, блюёт, его со смехом похлопывают по спине, помогая процессу.

— На банкет Сашуля не пошла - чего ради 15 рублей платить? И в самом деле, было скучно и для души, и для желудка - поесть не разбежишься, в духе этого мотеля. Я, правда, не удержался, чтобы не пристать к Мальцеву с вопросом о смысле жизни.

— Вот для чего ты наукой занимаешься, скажи мне, пожалуйста, - допытывался я у него.

— А мне это удовольствие доставляет, прямо жгучее такое, когда я задачу интересную решаю. Вот ради этого самого удовольствия.

— Совсем по моей теории удовольствий, которую я лет десять тому назад разрабатывал. Ну, а разве вопрос о смысле жизни - не самая интересная задачка? Может, тут как раз максимум удовольствия можно получить?

— Это у нас есть Володя Козелов, ты его знаешь, наверное, так он тебе в два счёта докажет, что этот вопрос нельзя разрешить в пределах опыта той жизни, смысл которой ты ищешь. Надо постулировать что-то. Вот придумай себе постулат подходящий.

— А если я постулирую, что смысл жизни в том, чтобы искать и найти смысл жизни? Чем такой постулат плох? Как мне тогда быть?

— Юра задумался, хмыкнул, что-то показалось ему интересным в такой постановке вопроса, но тут к нам подскочила бойкая Лиза Антонова из НИИЯФа МГУ (довольно сильный физик и считающая себя очень умной, как высказался о ней Слава), объявила, что смысл жизни в любви и утащила Юру танцевать.

— Борис Евгеньевич жил в одном из мотелевских коттеджей вместе с Людмилой Михайловной, которую я давно уже не видывал - три года, но она как и Б.Е. молодцом, мало изменилась. Сюда в Ольгино к ним приезжала младшая дочь Лиза с мужем и сыном, я не узнал даже её поначалу - приятная молодая женщина, а занюханная такая девчонка была, когда Брюнелли приезжали в Ладушкин отдыхать. Брюнелли с умиротворённым видом выгуливал внука по дорожке мимо коттеджа, где я, загорая на балконе, строчил

свои записки. Перед отъездом он что-то расхромался сильно, открылась старая военная рана у него на ноге, и он признался мне, что перепугался даже от необычности ухудшения состояния ноги, ранее лишь изредка его беспокоившей. Врачи, однако, успокоили его, но сказали, что нужно лечь в больницу. Как бы оправдываясь за это, Б.Е. сказал, что оно так даже и лучше, там он сможет спокойно над книгой поработать.

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)